

«Начертание...» В. П. Вишневого и язык чувашской письменности в первой половине XIX века¹

Настоящая статья посвящена анализу одного из наиболее известных памятников письменной чувашской культуры первой половины XIX века — труда В. П. Вишневого «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии» [Вишневецкий 1836]. Эта статья продолжает серию работ автора, задачей которых является системное описание языка старочувашских памятников XVIII—XIX веков [Савельев 2013а; 2014; 2015; 2016]².

1. В. П. Вишневецкий и чувашская культурная ситуация в конце XVIII—первой половине XIX века

К началу XIX века чувашская письменная культура была ещё слабо развита. На протяжении всего предшествующего столетия было создано лишь несколько десятков письменных памятников, запечатлевших чувашский языковой материал. При этом большинство работ такого рода представляло собой этнографические и наивно-лингвистические изыскания, рассчитанные на образованную русскоязычную или западноевропейскую аудиторию; для чувашского населения, почти исключительно неграмотного, доступ к ним был закрыт. К середине XVIII века относятся первые попытки чувашского просветительства, подразумевающего создание книжной культуры, но в педагогическом плане они не имели особого успеха. В этой связи необходимо назвать, в первую очередь, «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» [Сочинения 1769], имевшие для научных кругов того времени большое научное значение и сохраняющие его до сих пор (см. обзор языковых особенностей зафиксированного в памятнике диалекта в [Мудрак 2011]), но оказавшиеся неудачными в качестве чувашской азбуки. Другой заслуживающий упоминания труд — «Краткий катехизис» [Рожанский 1800], один из первых длинных текстов на чувашском языке, предназначенный не для внешней публики, а для чтения самими чувашами; он, впрочем, также не сыграл весомой роли в истории национального просвещения.

Возникновение чувашской книжности в этот период связано почти исключительно с христианизацией, интенсивная фаза которой началась после правительственных распоряжений 1740 года. Обращение в новую веру требовало письменной культуры как способа массового ведения миссионерской деятельности. В деле христианизации были задействованы как экономические, так и откровенно насильственные механизмы, но её масштабы в силу многих причин оставались очень ограниченными. При этом подавляющее большинство крестившихся исповедовало христианство только формально, продолжая тайно соблюдать обряды чувашской этнорелигии [Никольский 2007: 111—112].

Таким образом, к началу XIX века вопрос об утверждении новокрещённых в христианской вере по-прежнему остро стоял перед светскими и церковными властями. В связи с этим стали предприниматься новые шаги по укреплению духовного образования и повышению грамотности среди чувашей. В 1817 году митрополит Амвросий Протасов предложил Академическому правлению провести среди священников опрос о том, «идёт ли русский алфавит для чувашского и черемисского языков и каких именно букв недостает для обозначения чувашских и черемисских звуков». Также он предлагал «для специально чувашских и черемисских звуков придумать новые буквы, составить на этих языках буквари, поместив в них и молитвы, а также словарь и грамматику». Вскоре после этого в Казанской духовной семинарии и Чебоксарском уездном училище были открыты классы чувашского языка, а к 1831 году аналогичные

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00361 «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках» (роспись словаря из «Начертания...») и гранта РНФ 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России» (обработка грамматического очерка), а также гранта Европейского исследовательского совета (ERC) в рамках исследовательской и инновационной программы European Union's Horizon 2020 (грантовое соглашение № 646612), предоставленного Мартин Роббетс (Martine Robbeets).

² Термин «старочувашский», употребляемый в настоящей статье, отсылает не столько к истории чувашского языка, сколько к истории чувашской письменной культуры. Под старочувашским периодом понимается отрезок со второй четверти XVIII века, которой датируются первые письменные памятники чувашского языка, и до 1870-х годов, когда И. Я. Яковлев создал новочувашскую письменность, с некоторыми изменениями дошедшую до наших дней.

классы появились в Свияжске, Чистополе, Симбирске и Астрахани. По признанию архиепископа Казанского Филарета, существенной пользы эти классы не принесли, поскольку церкви не хватало людей, «которые могли бы свободно излагать инородцам догматы христианской веры и говорить на инородческом языке в церкви поучения». Филарет предпринял ряд административных мер, направленных на повышение роли чувашского языка в системе духовного образования, а также намеревался издать грамматику чувашского языка, составленную Стефаном Эльпидиным [Там же: 113—114]. Однако в итоге труд Эльпидина признали неудачным, и он так и не был издан [Родионов 2004: 7]. Обучение чувашскому языку затруднял недостаток учебных пособий, и результаты такой политики были более чем скромными.

В таких условиях труд по созданию нового учебника чувашского языка взял на себя священнослужитель, выпускник Казанской и Московской духовных академий, профессор философии Виктор Петрович Вишневский (1804—1885). В историю чувашеведения он вошёл как один из основоположников научного изучения чувашского языка и религии, а также как ведущая фигура в раннем просветительстве чувашского и марийского народов. Вопрос о происхождении Вишневого остается дискуссионным (по-видимому, он был из смешанной русско-чувашской семьи), но несомненно, что он с детства воспитывался среди чувашей и владел чувашским языком на очень хорошем уровне, что в дальнейшем сыграло значительную роль в его научной и просветительской деятельности. Начало языковедческих исследований Вишневого относится к 1829—1831 годам, когда он подготовил «Словарь чувашского языка», содержащий 1646 слов. В 1832 году Вишневский опубликовал этот словарь, а вслед за ним и статью «О чувашском языке». К 1836 году лингвистический опыт Вишневого был обобщен в труде, получившем название «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии». По-видимому, опасаясь реакции ультраконсервативных кругов, негативно относившихся к изданию просветительской литературы для нерусских народов, Вишневский решил опубликовать свой труд анонимно [Родионов 2004: 18], но для многих современников его авторство не было секретом.

«Начертание...» имеет следующую структуру:

- i. краткое введение (с. I—IV);
- ii. грамматический очерк чувашского языка (с. 1—67);
- iii. словарь чувашского языка, в основе которого лежит предыдущий лексикографический труд Вишневого, расширенный почти в два раза (около 3000 лексических единиц) (с. 69—216);
- iv. сравнительный словарь чувашского, татарского и черемисского (марийского) языков, представляющий собой весьма ранний опыт в области чувашской этимологии (с. 217—246); по признанию Вишневого, образцом для него послужил сравнительный словарь языков Волго-Камья, опубликованный за несколько десятилетий до этого Г. Ф. Миллером ([Müller 1759], русское издание [Миллер 1791]).

Вплоть до 1870-х годов «Начертание...» В. П. Вишневого оставалось единственным используемым в учебном процессе пособием по чувашскому языку, но ввиду того, что масштабы чувашского просвещения до И. Я. Яковлева в целом были достаточно ограниченными, столь же ограниченным оказалось и педагогическое значение данного труда. Иначе обстоит дело с научным влиянием «Начертания...», поскольку в нём академический мир обрёл обстоятельный свод материалов по лексике и грамматике чувашского языка. «Начертание...» было одним из основных источников сведений для В. Шотта, авторству которого принадлежит первая сравнительно-историческая грамматика чувашского языка [Schott 1841], убедительно доказавшая его принадлежность к тюркской семье (распространенное в то время мнение относилось чувашский к числу финно-угорских языков). Кроме того, известно, что трудом Вишневого пользовался видный исследователь чувашского языка середины XIX века А. Регули [Родионов 2004: 23].

Значение «Начертания...» для истории чувашской письменной культуры в общих чертах было исследовано в работах [Родионов 2004; Петров 2004]. Однако до сих пор не получили должного освещения собственно лингвистические аспекты этого труда, а именно его роль в истории чувашской графики и орфографии и его значение для исторической диалектологии чувашского языка. Эти вопросы освещаются далее в настоящей статье. При этом используются методы анализа старочувашских памятников, опробованные ранее при исследовании Словаря Палласа (конец XVIII века) [Савельев 2014] и перевода проповеди «День святой жизни...» (середины XIX века) [Савельев 2016].

2. Место «Начертания...» в истории чувашской орфографии

В XVIII веке ещё не сложилось единой системы чувашской письменности, хотя внутри корпуса памятников, принадлежавших каждому отдельному автору, чувашская фонетика передавалась в целом однотипно. В первой половине XIX века положение не изменилось радикальным образом, но со временем отмечается всё большее единообразие чувашской графики и орфографии, обусловленное тем, что более

ранние памятники использовались как образцы для более поздних. «Начертание...» стало важным этапом в такой стихийной унификации.

Орфография «Начертания...» — как и многих других старочувашских памятников — основана на русской орфографии и, что касается общих принципов отражения чувашской фонетики, достаточно предсказуема. Тем не менее, при записи чувашских материалов «Начертания...» использовались и некоторые специфические приемы, которые рассматриваются ниже; кроме того, по возможности прослеживается их история до и после деятельности Вишневого.

2.1. Чув. -γ- = [z]; чув. -g- = [zɣ]

В «Начертании...» используется следующая система обозначения полувзвонких аллофонов одиночных велярных согласных (озвончение происходит в позиции между гласными или после сонанта перед гласным): (i) фрикативный -γ-, вариант фонемы χ, обозначается при помощи одиночной буквы [z]; (ii) взрывной -g-, вариант фонемы k, обозначается при помощи сочетания [zɣ]. Ср.:

- i. [пѳыгырь] ‘медь красная’ ~ чув. *pъγъr* тж.;
[тигѳ] ‘жеребёнок’ ~ чув. *tīγa* тж.;
[сюмгѳ] ‘клубок’ ~ чув. *śъmγa* тж.;
[сюргѳ] ‘иноходец’ ~ чув. *śъrγa* тж.;
[авалгѳ] ‘древний, старинный’ ~ чув. *avalγi* тж., но:
- ii. [сѳюггю] ‘стерлядь’ ~ чув. *śъgъ* тж.;
[киггень] ‘чемерица’ ~ чув. *kigen* тж.;
[ѳгга] ‘вот’ ~ чув. *agъ* тж.;
[iургген’-] ‘ленился’ ~ чув. *ürgen-* тж.;
[iумюльггѳ] ‘тень’ ~ чув. *mälge*, диал. *ämälge* тж.

Такая запись достаточно нетривиальна, поскольку, как ожидалось бы, одинарная [z] должна быть закреплена за взрывным -g-. Использование [z] для фрикативного восходит, как минимум, к «Сочинениям...» [Сочинения 1769]; -g- в них передаётся при помощи вставки из латинской графики, а именно сочетания [gg], аналогичного [zɣ] «Начертания...». В Словаре Палласа и -g-, и -γ-, как правило, передаются через [z] [Савельев 2014: 53, 86]. В Словаре Дамаскина [Дамаскин 1785] -γ- передается как [z], а -g- — как одинарный [g]³. В «Кратком катехизисе» [Рожанский 1800] в обоих случаях записывается [z], однако очень вероятно, что в этом памятнике отражены диалектные данные малокарачклинского типа, где в интервокальной позиции -γ- и -g- нейтрализуются во фрикативном варианте, и, таким образом, все случаи такой записи относятся к -γ-.

По мнению В. Г. Родионова, изобретение системы отражения велярных, полностью идентичной той, что мы находим в «Начертании...», принадлежит П. И. Талиеву — непосредственному предшественнику В. П. Вишневого в деле цензурирования чувашских книг, который контролировал и направлял чувашский литературный язык и письменность в 1800—1826 годах [Родионов 2004: 12, 19]. После Вишневого вышеприведённый принцип записи -γ- и -g- использовался в чувашской письменной культуре еще несколько десятков лет. Мы находим его, например, в переводе проповеди «День святой жизни...» [Постников 1857], см. анализ орфографии и языка памятника в [Савельев 2016].

Регулярное обозначение фрикативного -γ- через [z] в старочувашских памятниках едва ли можно относить на счёт южнорусской нормы в идиолектах писцов, поскольку, как правило, они имели чувашское происхождение. Эта орфограмма может быть объяснена при обращении к орфоэпии русского языка, где в церковном чтении и в высоком стиле [z] читался как фрикативный на протяжении XVIII и частично в XIX веке [Успенский 1994: 207]. Частотность этого приёма в старочувашских памятниках неудивительна, поскольку их авторами почти всегда были люди из церковных кругов.

2.2. Отражение сочетаний типа «палатальный согласный + гласный»

Сочетания типа *śV-*, *jV-* (иногда также *čV-*) записываются в старочувашских кириллических памятниках специфическим образом. Разные памятники решают проблему записи подобных сочетаний по-

³ Разовое употребление [g] для -g- не исключено и в связи с «Начертанием...»: [вѳурдичь] ‘мехи’ ~ чув. *vərgăč* тж. Видимо, изначально это слово выглядело в записи как *[вѳургичь], однако латинская -g- при переписывании была неправильно интерпретирована как рукописная форма буквы [d] русского алфавита, в результате чего и случилось искажение.

разному, но можно выделить две основные стратегии: (i) предсказуемое использование переднерядных и/или йотированных гласных на русский манер (например, [си-] для *śi-* и [я-] для *ja-*) либо (ii) изобретение особых диграфов, которые выглядят как сочетание [i] или [ь] и гласного, иногда соединённых диакритикой. Во многих случаях приёмы (i) и (ii) употребляются параллельно, а выбор одного из них зависит от конкретного гласного.

В «Начертании...», как правило, используется способ (i); исключения составляют только следующие примечательные случаи:

— сочетания с *-o-*

Сочетание *jo-* передается как [io], а *śo-* и *čo-* как [ci[^]o] и [či[^]o] соответственно (последнее — наряду с [чо-]). Ср.:

[iонъ] ‘кровь’ ~ чув. *jon* тж.;

[ci[^]окъ] ‘нет, не надобно’ ~ чув. *śok* ‘нет, отсутствует’;

[či[^]оль] ‘камень’ ~ чув. *čol* тж. (но ср. [чохъ] ‘время’ ~ чув. *čox* тж. и др.);

— анлаутные сочетания *ji-*, *jь-*, *jə-*

Все такие случаи передаются как [ь[^]и-]. Ср.:

[ь[^]ида] ‘собака’ ~ чув. *jidь* тж.;

[ь[^]ильи] ‘петля’ ~ чув. *jьль* тж.;

[ь[^]иггѣ] ‘веретено’ ~ чув. *jəge* тж. и др.

У [ь[^]и-] есть еще одно значение — начальный (нейотированный) *i-*, который в более тривиальных случаях записывается через [ы-], ср. [ь[^]иргән] ‘тощий’ ~ чув. *iryān* тж. Графически [ы-] и [ь[^]и-] имеют почти эквивалентное оформление: *ь + i = ы*, *ь + u = ьи*. В связи с этим и потому, что за предпочтением [ы-] либо [ь[^]и-] не просматривается какой-либо фонетической сущности, их следует рассматривать просто как графические варианты.

Все указанные в данном пункте особенности — с незначительными отклонениями — характерны и для «Дня святой жизни...», который в целом может считаться орфографическим преемником «Начертания...». На фоне других исследованных памятников эти два особенно выделяются использованием сочетания [ь[^]и-] (с теми же двумя фонетическими значениями), не характерного для памятников XVIII века. Диграфы для отражения сочетаний с огубленными гласными имеют более глубокую традицию: сочетание [i[^]o] встречается еще в «Сочинениях...» [Мудрак 2011], а [io] до степени смещения схоже с [ю], которое употребляется в тех же контекстах в Словаре Палласа [Савельев 2014: 136—138].

2.3. Отражение начальных *й-* и *ѡ-*

Одна из важных дистинктивных характеристик старочувашских памятников — способ отражения анлаутных *й-* и *ѡ-*. Оба гласных обычно передаются идентичным образом, но конкретное отражение зависит от памятника. Использование букв для переднерядных гласных — в частности, [ю] — выглядит нежелательным из-за того, что в начальной позиции они предполагают неуместную в данном случае йотацию. В связи с этим часто употребляются альтернативные обозначения. Многие памятники XVIII века, как кириллические (например, «Сочинения...» и Словарь Палласа), так и на латинской основе (например, Словарь Миллера), используют в этом случае буквы для обозначения заднерядных огубленных, кириллическое [у] и латинское [u] соответственно. В памятниках XIX века, и в том числе в «Начертании...», появляется более совершенный способ обозначения *й-* и *ѡ-*, диграф [iy]. Он позволяет одновременно и обозначить переднерядность огубленного гласного, и избежать обозначения йотации. Ср. примеры на отражение *й-* и *ѡ-* из «Начертания...»:

[iyггѣ] ‘филин’ ~ чув. *iigə* тж.;

[iyклѣ] ‘шалаш’ ~ чув. *iiple*, диал. *ikle* тж.;

[iyлимь] ‘впредь’ ~ чув. *iiləm* тж.;

[iyмбю] ‘царь’ ~ чув. *əmbü* тж.;

[iyмюльггѣ] ‘тень’ ~ чув. *mälge*, диал. *əməlge* тж.;

[iyмють] ‘надежда’ ~ чув. *əmət* ‘мечта’.

После «Начертания...» этот способ передачи переднерядных огубленных в анлаутной позиции стал появляться и в других старочувашских памятниках [Савельев 2016: 88].

2.4. Выводы об орфографии «Начертания...»

Запись чувашской фонетики в «Начертании...» носит достаточно последовательный характер: включения из орфографических правил есть, но их число обычно невелико. Опечатки в тексте памятника практически отсутствуют, что говорит о качественной корректуре со стороны специалиста по чувашскому языку (вероятно, самого В. П. Вишневого). Эта особенность выделяет «Начертание...», например, на фоне большинства памятников XVIII века, которые также хорошо передают чувашскую фонетику, но отличаются большим числом опечаток, поскольку экспертов в чувашском языке среди их переписчиков и редакторов обычно не было.

С точки зрения истории чувашской письменности, «Начертание...» интересно, прежде всего, инновациями и нестандартными приёмами, которые позволили лучше отражать особенности чувашской фонетики средствами русской графики. В. Г. Родионов полагает, что по меньшей мере некоторые орфографические приёмы, а именно использование диграфов [ʒʒ], [i(ˆ)o], [iy], [b(ˆ)u], Вишневский перенял у своего предшественника по цензуре чувашских книг П. И. Талиева [Родионов 2004: 19]. С этим можно согласиться, поскольку указанные особенности характерны для чувашского перевода Евангелия [Евангелие 1820], общая редактура и корректура которого приписывается Талиеву. Однако именно Вишневский развил и популяризовал эту систему. Созданная в начале XIX века орфографическая система Талиева-Вишневого занимала магистральное место в чувашской письменной культуре на протяжении полувека; в 1860-х годах ей на смену пришла система Н. И. Золотницкого, а вслед за ней и система И. Я. Яковлева.

Те особенности «Начертания»..., которые не лежат целиком в области орфографии, но напрямую затрагивают проблемы фонетики чувашских диалектов, рассматриваются ниже.

3. Языковые особенности «Начертания...»

В. Г. Родионов пишет, что в своих трудах В. П. Вишневский сохранил диалектную основу предыдущих изданий на чувашском языке [Родионов 2004: 19]. Это верно в том смысле, что до эпохи Вишневого, равно как и после неё — вплоть до 1870-х годов, когда И. Я. Яковлев создал новый литературный чувашский язык на базе низового (анатри) диалекта, — основой письменного стандарта был верховой (вирьял) диалект. Вместе с тем старочувашские памятники не вполне единообразны с точки зрения отражаемых языковых особенностей. В то время как большинство памятников действительно передает верховые черты, в основе конкретных памятников могли лежать разные говоры вирьял. Ещё Г. И. Комиссаров заметил, что ядром письменного чувашского языка в дояковлевский период был «курмышский, вернее, красночетайский» говор [Комиссаров 1946]. Именно этот говор зафиксирован в «Сочинениях...» [Сочинения 1769] и, как показано в диссертации [Савельев 2014], в верховом материале Словаря Палласа [Паллас 1787; 1789]. Но, например, «Краткий катехизис» [Рожанский 1800] фиксирует данные северо-западного (сундырско-малокарачкинского) типа с их очень яркими особенностями⁴. Сундырская норма частично передана и в памятнике середины XIX века «День святой жизни...» [Савельев 2016: 101] (отметим, что вторая часть памятника, которая не была предметом специального исследования в названной статье, по-видимому, отражает материал чебоксарского говора верхового диалекта). Таким образом, речь не идёт о языковой преемственности между памятниками в смысле существования некоторого идиома, который по умолчанию понимался разными авторами как эталонный. Скорее следует говорить о том, что в силу разных экстралингвистических причин центр письменной чувашской культуры в ранний период оказался в зоне распространения верхового диалекта и, преимущественно, его курмышско-красночетайского говора. При этом выбор конкретного говора всё же часто проистекал из того, откуда происходил автор конкретного памятника.

Что касается «Начертания...», то невооружённым глазом видно, что его язык тяготеет к верховой диалектной зоне, но для более точной географической и диалектной локализации памятника, ввиду вышесказанного, необходим детальный анализ зафиксированных в нём языковых данных. Обзор орфографии «Начертания...», представленный в предыдущем разделе, является предпосылкой для такого анализа, поскольку становится возможным различать, с одной стороны, явления, связанные исключительно со способами записи, а с другой стороны, особенности языка памятника. По умолчанию можно предпола-

⁴ Как впервые показано в [Мудрак 1993], исторически говоры крайнего северо-запада Чувашии представляли особый («северо-западный») диалект чувашского языка. Однако в последние века эти говоры были по большей части ассимилированы верховым диалектом, составив в нём отдельный субстратный слой; в связи с этим и для удобства изложения материал северо-западных говоров разбирается в настоящей статье в составе верхового диалекта.

гать, что в основе памятника лежит чувашский язык, известный с детства В. П. Вишневному, уроженцу д. Сугут-Торбиково бывшего Ядринского уезда Казанской губернии (ныне в Вурнарском районе Чувашии). Обзор особенностей языка «Начертания...» приводится ниже в сравнении с данными синхронной чувашской диалектологии. Источниками диалектных данных являются, в частности, монографии [Канюкова 1965] и [Сергеев 1992], но в первую очередь — словарь Н. И. Ашмарина [СЧЯ]. Пратюркские реконструкции приводятся по [EDAL 2003], если не указано иное. Чувашские формы, данные без указания диалектной принадлежности, представляют собой реконструкцию общечувашского состояния, основанную на более архаичном верховом диалекте, как это принято в работах [Мудрак 1993], [СИГТЯ 2006] и др.

3.1. Звонкий анлаут

В современном чувашском языке в начальной позиции возможны только глухие шумные согласные, при этом в старочувашских памятниках в некоторых случаях в этой позиции выписываются звонкие. Как показано в работах [Савельев 2014; 2016], такую запись едва ли можно объяснить синхронным фразовым озвончением, известным по современному чувашскому (характерно в потоке речи для всех шумных, находящихся в позиции после гласного или сонанта в ауслауте предыдущего слова). Во-первых, разные согласные в памятниках ведут себя неединообразно: почти все звонкие отражения связаны с записью [б-] и очень редко — [д-]; звонкие отражения для остальных согласных в анлауте практически не встречаются. Во-вторых, такие отражения отмечены и в словарях, и в памятниках нарративного характера; в последнем случае виден контекст употребления слова. Во многих случаях, как оказывается, звонкость появляется и вне позиции фразового озвончения, т. е. после глухого согласного в ауслауте предыдущего слова. Наконец, в-третьих, в пользу (по крайней мере, отчасти) исторической природы звонкого анлаута в старописьменных текстах свидетельствует то, что разные памятники удивительным образом согласуются друг с другом в том, для каких основ выписывать звонкий анлаут, а для каких нет, при том что выбор этих основ не может быть исчерпывающе объяснен синхронными распределениями.

Вместе с тем, едва ли возможно установить единую причину, объясняющую все случаи выписывания звонкого анлаута в старочувашских памятниках, — скорее нужно говорить о совокупности факторов. Относительно очевидными являются случаи звонкого анлаута (i) в заимствованиях, еще не успевших пройти адаптацию; (ii) в послелогох и прочих служебных словах, которые обычно находятся в постпозиции к полнозначному слову и фонетически приближаются к энклитикам; из-за частотности озвончения в данной позиции именно такой вариант оказывается генерализован. Ср. примеры из «Начертания...»:

- i. [базарь] ‘торговый рынок’ ~ чув. *pazar* ‘базар, рынок’ < рус. *базар* или тат. *bazar*;
[бурань] ‘непогода’ < рус. *буран*, в современном чувашском слово не отмечено;
[дось] ‘друг, приятель’ ~ чув. верх. *tos*, низ. *tus* тж. < тат. *dus* (из перс.);
- ii. [бад-] ~ [бат-] ‘сторона’ (основа в серии послелогов со значением ‘к, у, около’) ~ чув. *pat* тж.;
[бекь] ‘сходно, подобно, точь-в-точь’ ~ чув. *pek* тж.;
[биргй] ‘по, для, о’ ~ чув. *pirgi* тж.

Случай (iii) приходится на частотные глаголы, для которых характерно употребление в роли модальных и, аналогично случаю (ii), слияние с предшествующим именем в единое фонетическое слово. Такое фразовое озвончение, по-видимому, имеет исторический характер, поскольку схожее явление отмечено в огузских языках (ослабление *b- > v- в частотных глаголах, ср. тур., азерб. *ol-* < **vol-* < **bol-* ‘быть’, *ver-* < **ber-* ‘давать’ и т. д.). Примеры на этот случай в «Начертании...»:

- iii. [бар-] ‘давать’ ~ чув. *par-* тж.;
[бил-] ‘знать’ ~ чув. *pəl-* тж.;
[бол-] ‘быть’ ~ чув. *pol-* тж.;
[быр-] ‘быть, приходиться, годиться’ ~ чув. *pir-* тж.

Указанные три объяснения подтверждаются показаниями других старочувашских памятников и покрывают 12 из 18 учтенных основ, которые записываются в «Начертании...» с начальным [б-]. Из оставшихся шести слов, пример [брггась] ‘бросать, оставлять, покидать’ ~ чув. *p̄r̄ḡaš-as* inf. тж. можно объяснить озвончением в контексте перед сонантом, который оказывается в непосредственном соседстве с шумным после выпадения безударного редуцированного гласного (формы типа *brax-* появляются в потоке речи и в современном чувашском). Возможно распространить объяснение позицией перед сонан-

том и на другие случаи — независимо от качества гласного, разделяющего шумный и сонант; такое объяснение затрагивало бы формы типа [бардàсь] ‘язь’ ~ чув. *pardas* тж., [бóрнысь] ‘жизнь’ ~ чув. *por(ь)пăс* ‘жизнь’ и [ботрàнь] ‘борщевик’ ~ чув. диал. *potran* < *poldьran* тж., а также все примеры на случай (iii). Однако данное объяснение ненадёжно, поскольку, во-первых, во многих зафиксированных в памятнике формах в позиции перед сонантом выписывается [п-], ср. [порь] ‘мел’ ~ чув. *por(ь)* тж., [пүлдурь] ‘сенной чулан’ ~ чув. *pöldьr* ‘сени’ и даже [пряхь] ‘схожий’ ~ чув. *pəreχ* тж., где фонетический контекст (позиция непосредственно перед сонантом в результате выпадения безударного редуцированного гласного) тот же, что и в форме [брғàсь]. Во-вторых, и этого объяснения недостаточно для случаев [божиг-] ‘вянуть’ ~ чув. **požьχ-* (һарак legomenon «Начертания...», см. подробнее в пункте 3.12) и [бусь] ‘копейка’ ~ чув. *pus* тж. Таким образом, для этих шести случаев надёжного объяснения звонкого анлаута пока не найдено. Для случая [ботрàнь] ‘борщевик’ ср. также рус. диал. *бодран* тж. — надёжное заимствование из чувашского [Фасмер I: 184], подтверждающее, что [б-] в чувашском присутствовал на фонетическом уровне, а не только в орфографии.

Основы с начальным [б-] в «Начертании...» немногочисленны в сравнении с основами на [п-], которых насчитывается не менее 200. При этом конкретные основы **последовательно** записываются либо с [б-], либо с [п-], что подтверждает неслучайный характер этой орфограммы. С некоторыми вариациями приведенные закономерности появления звонкого анлаута справедливы и для других старочувашских памятников, в частности, Словаря Миллера, Словаря Палласа и проповеди «День святой жизни...» [Савельев 2015; 2016].

Две исконные основы на *t-*, отмеченные в «Начертании...», регулярно записываются с [д-] вместо ожидаемого [т-]:

- [двátma] ‘четыре’ ~ чув. *t(ь)vattь* тж.;
[дèсь] ‘говорить’ ~ чув. *t-es* inf. ‘сказать’.

Для случая [двátma] можно предположить озвончение шумного, оказавшегося непосредственно перед сонантом из-за выпадения безударного редуцированного гласного, а для [дèсь] — действие закономерности, охватывающей служебные глаголы. При этом есть два серьёзных довода в пользу того, что звонкий анлаут носит здесь исторический характер. Во-первых, [д-] в этих основах последовательно выписывается во всех обследованных старочувашских памятниках, что вряд ли было бы ожидаемо в случае sporadического озвончения. Во-вторых, ср., например, показания татарского языка, где данные основы выглядят как *dürt* ‘четыре’ и *di-* ‘сказать’ при общей нетипичности анлаутного *d-* для татарской фонотактики. Таким образом, звонкость анлаута в этих основах может быть архаизмом, ср. **d-* в праформах: ПТю **dört(ə)*, **dē-*.

3.2. Звонкий исход слога/основы

В целом старописьменные памятники тривиально отражают чувашское распределение глухих и полувзвонких аллофонов согласных (полувзвонкие в позиции между гласными или после сонанта перед гласным, иначе глухие). При этом «Начертание...» стоит в одном ряду с «Днём святой жизни...» и, возможно, иными, ещё не обследованными памятниками середины XIX века (но не с памятниками XVIII века) в том отношении, что в них частотны неожиданно звонкие отражения согласных в конце слога/основы; как правило, они встречаются *наряду* с ожидаемыми глухими отражениями.

В «Начертании...» отмечаются несколько типичных контекстов, где финальный согласный слога/основы относительно часто записывается как звонкий. Контекст (i) охватывает формы с ожидаемым *-p-*, выступающим в роли первого элемента консонантного сочетания, который отражается в части случаев через [б], а не [п]. Возможно, такая запись отражает фонетическую особенность говора-источника памятника, не находящую параллелей в современных чувашских говорах. Ср.:

- i. [кубкà] ‘новая земля’, [кубшàкь] ‘рыхлый’ ~ чув. *kьp-ka*, *kьp-šak* ‘рыхлый, мягкий (в т. ч. о земле)’;
[сi^òбка] ‘оплеуха’ ~ чув. *šorkь* тж., но:
[вóпкынь] ‘прожорливый’ ~ чув. *vorкьп* тж.;
[iупкè] ‘лёгкое’ ~ чув. *ipke* тж.

Контекст (ii) — это формы с ожидаемым ауслатным *-χ*, где вместо [x] записывается буква [ç], отражающая звонкий *-γ*, ср.:

- ii. [вочàгь] ‘очаг’ ~ чув. *vožax* тж.;
[вьлигь] ‘скот’ ~ чув. *vilьχ* тж.;
[силыгь-зырь] ‘безгрешный’ ~ чув. *silьχ-sьr* sag. тж.

По-видимому, выписывание звонкого в этих случаях также отражает реальную фонетику говорящего, а именно озвончение *-χ* в позиции перед историческим (!) редуцированным, то есть в памятнике фиксируются архаичные формы типа *vožγ(ь)*, *viľγ(ь)*, *šilγ(ь)*. Наличие старого редуцированного в этих формах подтверждается пратюркской реконструкцией, поскольку в противном случае ауслатный ПТю **q >* чув. *χ* должен был отпасть в чувашском, ср. реконструкции О. А. Мудрака [СИГТЯ 2006] для приведённых форм: **ōt-śaqə*, **ōd-luqə*, **žavlūqə*. Ср. ожидаемое отражение глухого заднеязычного в форме *[óixʰ]* ‘месяц, луна’ ~ чув. *oǰʰx* тж., где конечный редуцированный не восстанавливается (**āñq* в реконструкции О. А. Мудрака — конечный заднеязычный сохраняется в чувашском при старом сочетании сонанта и заднеязычного в однослоге).

Изредка озвончение конечного согласного, указывающего на последующий исторический редуцированный, отражается и для других согласных, ср. *[kozʰ]* ‘глаз’ ~ чув. *koś* тж. В чувашских устойчивых сочетаниях сохраняется форма принадлежности *kośś-i* (при продуктивном *kož-ə*), которая может быть образована только от *kožʰ* (ПТю **kōrsə* по О. А. Мудраку) — и именно этот вариант объясняет форму из «Начертания...». Ср. также случай *[sagɣnə]* ‘сега’ ~ чув. *śakn-a* dat./acc. ‘вот этот’. В памятнике отражена форма типа *śagna < śagɣn-a* (местоимение *śagʰ* имеет косвенную основу *śagɣn-*, фигурирующую и в других падежах); в современной чувашской форме *-VgɣnV-* *>* *-VknV-* по фонотактике.

Наконец, контекст (iii) охватывает случаи звонкого отражения согласных на конце глагольной основы, даже если контекст предполагает появление глухого аллофона, ср.:

- iii. *[i^opàdʰ]* ‘любить’ ~ чув. *jorat* imp. тж.
[ci^opraztar-] ‘мирить’ ~ чув. *śoraś-tar-* caus. тж.;
[manažtar-] ‘уравнивать’ ~ чув. *tanlaś-tar-*, диал. *tanaś-tar-* caus. тж.;
[nygkalə-] ‘посматривать’ ~ чув. *pʰx-kala-* iter. тж., но:
[kastar-] ‘легчить лошадей’ ~ чув. *kas-tar-* caus. ‘кастрировать’;
[katkala-] ‘крошить в мелкие куски’ ~ чув. *kat-kala* iter. тж.

В контексте (iii) речь идёт, по-видимому, не об исключительно фонетической записи, но о своеобразной орфограмме. Можно предположить, что исход глагольных основ получил частотную реализацию в звонком варианте на письме из-за того, что именно такой вариант в чувашском наиболее частотен фонетически (глаголы обычно употребляются с аффиксами, а подавляющая их часть начинается с гласного; в результате этого конечный согласный основы попадает в позицию озвончения). Подобным же образом для «Начертания...», как и для более позднего «Дня святой жизни...», характерна генерализация в звонком варианте начальных согласных в словоизменительных именных аффиксах. Это касается, в частности, показателей каритива *-sʰr ~ -zʰr* [*-зырʰ*], комитатива/инструменталиса *-pa(la) ~ -ba(la)* [*-ба(ла)*], каузалиса/финалиса *-šʰn ~ -žʰn* [*-жинʰ*] и др. Появление такой орфограммы вызвано тем, что исход именной основы на сонант или гласный, вызывающий озвончение первого согласного аффикса, в чувашском значительно более частотен, чем не вызывающий озвончения исход на шумный согласный.

3.3. Развитие **n*, **ŋ*

ПТю **n*, **ŋ* в особом вокалическом окружении дают в чувашском *n* или *m* с историческим позиционным распределением; см. о нём подробнее в [Мудрак 1989]. Однако в ряде диалектов существует устойчивый набор основ, в которых *n* появляется на месте **n*, **ŋ* и в тех случаях, где ожидается *m*. К числу таких диалектов относится и язык «Начертания...». Ср.:

- [шунʰ]* ‘кость’, ср. *[пось-шунʰ]* ‘череп’ ~ чув. *šʰmʰ*, диал. *šʰnʰ* тж. < ПТю **siŋök*;
[сюнь] ‘шерсть’, ср. *[сюнь-áда]* ‘валеные сапоги’, *[сюнь-пошмакʰ]* ‘валенка’ ~ чув. *šʰm*, диал. *šʰn* тж. < ПТю **juŋ*;
[тунʰ] ‘глина’ ~ чув. *tʰm*, диал. *tʰn* тж. < ПТю **Tōjn* [Дыбо 2010: 84].

На основе аттестаций у Ашмарина можно выделить две зоны распространения вариантов с *-n* для приведенных слов: (1) крайний северо-запад Чувашии, т. е. ареал исторического бытования северо-западных (малокарачклинского и смежных сундырских) говоров; (2) длинная полоса, тянущаяся с запада до центра Чувашии, от Шумерлинского района через Красночетайский и Аликовский и вплоть до Вурнарского района.

Не вполне ясны условия, при которых в языке «Начертания...» появляется *n* на месте *m* литературного чувашского. Ср. другие основы со схожими фонетическими контекстами как на пратюркском уровне, так и в современном чувашском, где в памятнике выписывается [*m*]:

[*тумБ*] ‘мороз’ ~ чув. *t̂m*, диал. *t̂n* ‘изморозь, заморозок, иней, мороз’ < ПТю **don*;
 [-*дүмь*]: [*хора-дүмь*] ‘монах’, букв. ‘черный костюм’ ~ чув. *tom* ‘костюм’ (вариант ***ton* не фиксируется и у Ашмарина) < ПТю **tōŋ* [Мудрак 1989: 219]; ср., однако, [*тондирь*] ‘одежда’ ~ чув. *tom-dir* тж. (*tom* ‘костюм’ + *tir(ə)* ‘кожа, шкура’), где *n* удержался либо вторично образовался в позиции рядом с дентальным взрывным.

3.4. Противопоставление -*o*- и -*u*-

Различная рефлексация общечувашского **o* (> верх. -*o*-, низ. -*u*-) считается наиболее характерной особенностью основных чувашских диалектов. При этом в обоих диалектах имеется особый напряженный гласный -*u*-, в котором совпадают несколько пратюркских вокально-консонантных комплексов, см. [Мудрак 1993: 27—31]. В «Начертании...» представлена типично верховая ситуация с противопоставлением -*o*- и -*u*- (в нейтральном консонантном окружении передаются как [o] и [y] соответственно). Примеры на -*o*-:

[*вóда*] ‘дрова’ ~ чув. *vod̂* тж.;
 [*óухь*] ‘луна, месяц’ ~ чув. *ôj̄x̄* тж.;
 [*ióнь-конь*] ‘среда’, букв. ‘день крови’ ~ чув. *jon-kon* тж.

Примеры на -*u*-:

[*уть*] ‘лошадь’ ~ чув. *ut* тж.;
 [*ту*] ‘гора’ ~ чув. *tu* тж.;
 [*сýда*] ‘светлый’ ~ чув. *šud̂* тж.

Иногда [y] появляется в основах, где можно было бы ожидать более частотный [o], поскольку этимологический источник восстанавливаемого в таком случае -*u*- не очевиден. При этом правильность подобного отражения подтверждается тем, что в засвидетельствованных формах верхового диалекта в данных основах также фиксируется -*u*-, а не -*o*-, как, например, в случае [*нүжа*] ‘плеть’ ~ чув. верх., низ. *rûž̄* ‘кнут, плеть, нагайка’; ср. хак. *roza* ‘вожжи’ [СИГТЯ 2006: 28], узкий гласный в верховом чувашском здесь неясен. По крайней мере в части похожих случаев речь идет о заимствовании в чувашский из иноязычной формы с узким гласным, ср. [*бусь*] ‘копейка’ ~ чув. верх., низ. *pus* тж.; предполагается заимствование из перс. *pust* ‘кожа; скорлупа; кора, корка; шкура (подчеркивание наше — А. С.); мерлушка; овчина’ [ЭСЧЯ I: 450] (там же см. свидетельства о типологической частотности семантического перехода типа ‘шкура, шкурка’ > ‘название денежной единицы’).

3.5. Качество -*e*-

Вопрос о качестве гласного -*e*- недостаточно изучен в чувашской диалектологии. В общем случае считается, что в части диалектов сосуществуют открытый *ε* и закрытый *e*, связанные позиционным распределением, см., например, [Сергеев 1992: 58—59]. Часто дробное отражение *e* отмечается и в старочувашских памятниках [Савельев 2014: 213—217], но не всегда ясно, в какой степени речь идет об отражении диалектной фонетики, а в какой — исключительно об особенностях орфографии.

Наибольший интерес представляет качество *e*- в начальной позиции. В памятниках XVIII века ожидаемый анлаутный *e*- почти регулярно записывается [a-]. На такую запись могли повлиять как открытый характер гласного типа *ε*, так и то обстоятельство, что более подходящая для такого контекста буква [э-] в этот период ещё не устоялась в употреблении. В «Начертании...» — памятнике более позднего времени — частотность [a-] на месте ожидаемого *e*- уже сопоставима с частотностью [э-]. Опять же, такую ситуацию можно объяснить чистой орфографией, но и нельзя исключать, что к XIX веку *e*- в чувашском стал носить более закрытый характер. Ср. следующие примеры из памятника:

[*аби*] ‘я’ ~ чув. *ebə* тж.;
 [*азу*] ‘ты’ ~ чув. *ezə* тж.;
 [*áзирь*] ‘вы’ ~ чув. *ezir*, верх. *ezər* тж.;
 [*арня*] ‘неделя’ ~ чув. *erne* тж., но:
 [*эзырь*] ‘вы’ ~ чув. *ezir*, верх. *ezər* тж.;
 [*эрешмёнь*] ‘паук’ ~ чув. *erešmen* тж.;
 [*эдёмь*] ‘человек’ ~ чув. *edem* тж.;
 [*эсрэле*] ‘злейший дух; смерть’ ~ чув. *esrel*, диал. *esrelə* ‘дух смерти’.

В первом прикрытом слоге в памятниках XVIII века почти всегда представлен закрытый вариант *-e-*, который отображается как [e]. В «Начертании...» этот вариант также доминирует, но в редких случаях в этой позиции встречается и *-ε-* [-я-]. Ср.:

- [кѣбе] ‘добрый дух, избавляющий от бедствий всякого рода’ ~ чув. *kebe* тж.;
- [лезясь] ‘проводить’ ~ чув. *leź-es* inf. тж.;
- [лерѝ] ‘тамошний’ ~ чув. *leri* тж.;
- [негѣкъ] ‘убыток’ ~ чув. *neyek* тж.;
- [бекъ] ‘сходно, подобно, точь-в-точь’ ~ чув. *pek* тж.;
- [сердѣ] ‘снить’ ~ чув. *serde* тж., но:
- [лянгысь] ‘ведёрко’ ~ чув. *lenges* ‘долблёное ведёрко из дерева’;
- [ляжъ] ‘тог’ ~ чув. *leš* тж.;
- [тябрѝ] ‘иной, другой’, [тяминь] ‘неизвестно что’ ~ чув. *te-pri*, *te-mən* тж.

В непервых слогах ситуация в памятниках XVIII века и в «Начертании...» одинакова: *-e-* в одних и тех же контекстах отражается непоследовательно через [e] либо [я], обычно с некоторым преобладанием второго варианта (особенно в ауслауте). Это может указывать на умеренно открытый характер гласного, для которого писцы не находили точного соответствия в русском языке. Ср. примеры из рассматриваемого памятника:

- [инярѝ] ‘вчерашний’ ~ чув. *əneryi* тж.;
- [валязьясь] ‘делить’ ~ чув. *valez-es* inf. тж.;
- [иньзѝ] ‘далеко’ ~ чув. *inze* тж.;
- [варня] ‘на середину’ ~ чув. *var-n-e* 3sg.-dat./acc. тж., но:
- [визѣсь] ‘летать’ ~ чув. *vəz-es* inf. тж.;
- [вѝтре] ‘ведро’ ~ чув. *vidre* тж.;
- [вудѝ-порнѣ] ‘средний палец’ ~ чув. *vōda pūrne* тж.

3.6. Качество редуцированных гласных

В литературном чувашском языке, построенном на низовой норме, различаются только два редуцированных гласных: заднерядный неогубленный *ь* и переднерядный неогубленный *э*. В верховом диалекте сохраняется более архаичное членение с дополнительным противопоставлением по признаку огубленности: *ь*, *ъ*, *э*, *ѣ*; как показывают полевые исследования, см., например, [Савельев 2013б], такая же система характерна по крайней мере для некоторых низовых говоров.

В языке «Начертания...», как и многих других старочувашских памятников, редуцированные гласные первого слога по умолчанию отражаются при помощи букв, используемых в русском языке для гласных верхнего подъема: [ы], [у], [и], [ю]. С учетом полевых данных это дает повод интерпретировать чувашские редуцированные в этой позиции как гласные верхне-среднего подъема. При этом последовательно различаются этимологически неогубленные *ь* [ы], *э* [и] и огубленные *ъ* [у], *ѣ* [ю]. Ср. примеры на каждый гласный в нейтральном консонантном окружении:

- *ь* [ы]
 - [кыжыль] ‘обруч, ворох’ ~ чув. *kəžyl* тж.;
 - [лыргасъ] ‘ворчать, буянить’ ~ чув. *lɣrg-as* inf. тж.;
 - [ыжъ] ‘сердце, внутренность’ ~ чув. *ɣš* тж.
- *ъ* [у]
 - [кубукъ] ‘пена’ ~ чув. *kəbbək* тж.;
 - [пудѝ] ‘гвоздь’ ~ чув. *pōda* тж.;
 - [усъ-зырьъ] ‘безумный’ ~ чув. *ʊs-sɣr* sag. тж.
- *э* [и]
 - [писер-] ‘жжёт; жарко’ ~ чув. *pəzer-* ‘печь; напекать’;
 - [хисъ] ‘бёдро; меч’ ~ чув. *χəš* тж.;
 - [исъ] ‘дело’ ~ чув. *əš* тж.
- *ѣ* [ю]
 - [кюръ] ‘осень’ ~ чув. *kər* тж.;
 - [люсь] ‘ладвея’ (т. е. ‘бедро, ляжка’) ~ чув. *pəžə, pəš* тж.;
 - [iumjотъ] ‘надежда’ ~ чув. *əmtət* ‘мечта’.

В части случаев артикуляция редуцированного изменяется под влиянием соседних согласных. Так, в позиции рядом с губными согласными возможно вторичное огубление исторически неогубленных редуцированных, ср.:

[*пужа́ль*] ‘ружьё’ ~ чув. *рѣ́жал* тж. < рус. *пицаль*;
[*сјуму́ль*] ‘лёгкий’ ~ чув. *сѣ́мъл*, диал. *сѣ́мъл* тж.

Кроме того, представляют интерес следующие случаи, где огубленные редуцированные записываются как [o]:

[*хобар-*] ‘влезать, восходить’, [*хобарны*] ‘мозоль’ ~ чув. *хѣ́бар-* ‘подниматься’;
[*хому́ть-пую́вь*] ‘гуж’, [*хому́ть-пювёнь*] ‘хомутина’ ~ чув. *хѣ́мът* ‘хомут’;
[*хора́хъ-ко́зь-зырь*] ‘одноглазый’ ~ чув. *хѣ́рах* ‘одиночный, непарный’;
[*хо́да*] ‘сватовство’ ~ чув. *хѣ́да* ‘сват’;
[*конду́рла*] ‘полдень, в полдень’ ~ чув. *кѣ́ндѣ́рла* тж.;
[*копи́ангга*] ‘коровка, мокрица’ ~ чув. *кѣ́ршангъ* ‘насекомое, жучок, мокрица’.

Аналогичное явление фиксируется — отчасти в тех же словах — в другом старочувашском памятнике, «Дне святой жизни...» [Савельев 2016: 93]. В случаях [*хобар-*], [*хому́ть-*] и [*копи́ангга*] речь может идти о диал. *o* на месте литер. *ѣ* в позиции после велярного и перед губным согласным; подобные формы указанных слов атрибутированы у Н. И. Ашмарина как северо-западные. Но такое объяснение не подходит для других приведённых форм. В альтернативной интерпретации появление [o] на месте ожидаемого [y] может отражать расширение редуцированного гласного в позиции после велярного согласного в говоре-источнике памятника (то есть, изменение подъема с верхне-среднего на средний). Ср., однако, другие случаи литер. *ѣ* после *χ*- и *k*-, где, судя по орфографии, этого предполагаемого изменения не происходит: [*ху́ндуръ*] ‘бобр’ ~ чув. *хѣ́ндѣ́р* тж., [*кушма́нь*] ‘редька’ ~ чув. *кѣ́шман* и др.

Наконец, в языке «Начертания...» — как и в современном разговорном чувашском языке — случается выпадение инлаутных редуцированных. Необходимым условием для этого является более высокий уровень звучности второго по порядку согласного по сравнению с первым. Ср.:

[*пса́ра*] ‘сурок’ ~ чув. *рѣ́зара* ‘хорёк’;
[*пру*] ‘телёнок’ ~ чув. *рѣ́ру* тж.;
[*трень*] ‘лемех’ ~ чув. *тѣ́рен* тж.

Что касается чувашских редуцированных гласных в непервых слогах, то их свойства ещё менее изучены, чем свойства редуцированных в первом слоге. В целом, судя по транскрипциям в словаре Н. И. Ашмарина [СЧЯ], собственным полевым данным и проанализированным старописьменным памятникам, можно предварительно отметить, что эти гласные реализуются, как правило, в неогубленном варианте. Огубленные варианты могут появляться в позиции (i) рядом с губным согласным или велярным *χ*, ср. [Савельев 2013а: 72], или (ii) после огубленного редуцированного в первом слоге (но, как правило, не после огубленных гласных полного образования). При этом в старочувашских памятниках редуцированные гласные непервых слогов часто записываются как имеющие более широкую артикуляцию по сравнению с редуцированными в первом слоге.

В «Начертания...» отражение редуцированных гласных в непервых слогах не вполне регулярно, но с некоторыми отклонениями указанные тенденции прослеживаются и в этом памятнике. Редуцированные гласные непервых слогов обычно реализуются как неогубленные; нерегулярно отражаемая на письме лабиализация происходит под влиянием редуцированных огубленных в первом слоге, но не рядом с губными согласными. Расширение редуцированных имеет место только в абсолютном конце слова в безударной позиции; в закрытом слоге редуцированные выступают в узком варианте. См. некоторые примеры на данные закономерности:

[*пѣ́житъ*] ‘лыко’ ~ чув. *ро́жът* тж. (неогубленный узкий редуцированный в закрытом слоге);
[*турухлѣ́-*] ‘насмехаться’ ~ чув. *тѣ́рѣ́χла-* тж. (узкий редуцированный в закрытом втором слоге, лабиализация под влиянием огубленного редуцированного в первом слоге);
[*пѣ́де*] ‘беременная’ ~ чув. *рѣ́дѣ́* тж. (ауслаут, неогубленный широкий редуцированный в безударной позиции);
[*пуду́*] ‘каша’ ~ чув. *рѣ́дѣ́* тж. (ауслаут, узкий редуцированный в ударной позиции, лабиализация под влиянием огубленного редуцированного в первом слоге).

3.7. Сингармонизм

Традиционно считается, что верховой диалект чувашского языка значительно лучше удерживает заднерядный сингармонизм в сравнении с низовым диалектом, где частотен переход некоторых или всех гласных в слове в передний ряд под влиянием соседних палатальных согласных (ср. примеры в [Сергеев 1992: 66]). Подобное же распределение наблюдается на материале ряда арабских заимствований, которые имеют задний ряд в диалекте вирьял и передний — в анатри. Данные «Начертания...» носят с этой точки зрения последовательно верховой характер. Ср.:

- [*обалян-*] ‘ползти, ползать’ ~ чув. верх. *obałan-*, низ. *obalen-* тж.;
 [*подякъ*] ‘ягнёнок’ ~ чув. верх. *podak*, низ. *pudek* тж.;
 [*коньлан-*] ‘унижаться’ ~ чув. верх. **koňlan-*, низ. **kunlen-* (hарах legomenon «Начертания...», см. подробнее в пункте 3.11);
 [*турня*] ‘журавль’ ~ чув. верх. *tõrña*, верх. и низ. *tårne*, низ. и литер. *tårna* (с устранением палатального);
 [*сагатъ*] ‘час’ ~ чув. верх. *sayat*, низ. *seyet* тж. (< араб.).

С другой стороны, в памятнике единожды встречается переход в передний ряд заднерядной основы, содержащей палатальный согласный:

- [*ид’-*] ‘спрашивать’, [*идю*] ‘вопрос’ ~ чув. диал. *it-*, *idü* тж. < *ijt-*, *ijdu*.

По Ашмарину, именно эта форма *ит-* «свойственна наречию вирьял», а не низовому диалекту; примеры указывают на северо-западные (малокарачкинский и смежные сундырские) говоры, а также на курмышско-красночетайский и ишлейский говоры верхового диалекта [СЧЯ III: 152].

Наконец, язык «Начертания...» отражает сингармонистическое выравнивание, при котором гласный *-i-*, имеющий в стандартном варианте чувашского нейтральный статус с точки зрения сингармонизма, переходит в *-i-* после заднерядных гласных, ср.:

- [*пурь*] ‘полба’ ~ чув. *põri* тж.;
 [*аялды*] ‘нижний’ ~ чув. *ajald-i* пом. тж.;
 [*мукъ-сирлы*] ‘клюква’, букв. ‘моховая ягода’ ~ чув. диал. *mõk širl-i* 3sg. тж.

Данная черта характерна для многих чувашских говоров, как верховых, так и низовых, и она едва ли может использоваться для диалектной атрибуции памятника.

3.8. Специфические развития (вокально-)консонантных комплексов

Различная рефлексация общечувашских консонантных кластеров и вокально-консонантных сочетаний — одна из ярких дистинктивных характеристик чувашских говоров. Специфические развития таких сочетаний достаточно многочисленны и в языке «Начертания...», среди них можно выделить нижеследующие типы.

- i. Метатеза типа *-CĀL > -CLĀ*, где *C* — шумный согласный, *Ā* — редуцированный гласный, *L* — сонант (чаще плавный). Ср.:

- [*витрѣ*] ‘сквозь’ ~ чув. *vidar*, диал. *vitřa* тж.;
 [*ешле-*] ‘зелёный’ ~ чув. *ježal*, диал. *ješlă* тж.;
 [*йүсре*] ‘пьяный’ ~ чув. *üzar*, диал. *üsră* тж.;
 [*кóкле*] ‘пирог’ ~ чув. *kogyl*, диал. *kokl̥*, низ. *kuklă* тж.

Это явление очень распространено в чувашских диалектах: в основном оно встречается у вирьял, но также и в некоторых низовых говорах [Сергеев 1992: 48].

- ii. По неясной причине в части случаев метатезы в указанном контексте не происходит, зато отмечается геминация интервокального шумного согласного:

- [*күкуръ*] ‘грудь’ ~ чув. *kõgõr*, диал. *kõkkõr* тж.;
 [*сюкуръ*] ‘хлеб’ ~ чув. *šõgõr*, диал. *šõkkõr* тж.;
 [*ь^иттырь*] ‘скалка’ ~ чув. *jădar*, диал. *jättar* тж.

Геминация согласных также является типично верховой чертой (отсутствует только в чебоксарском говоре) [Сергеев 1992: 28—29]. В орфографии «Начертания...», как видно из примеров, она передается непоследовательно, но выписывание [к] вместо [çç] в первых двух формах однозначно указывает на то,

что в фонетических прототипах представлена именно глухая гемината, а не одиночный полувзвонкий согласный.

iii. По чувашским диалектам наблюдаются разные варианты развития комплекса *-ldʲr-*: (i) его сохранение (например, *poldʲran* ‘борщевик’, *vəldʲaren* ‘крапива’); (ii) выпадение редуцированного (*poltran*, *vəltren*); (iii) выпадение и редуцированного, и предшествующего ему сонанта (*potran*, *vətren*). Именно последний вариант представлен в «Начертании...»:

[*ботрань*] ‘борщевик’ ~ чув. *poldʲran*, диал. *potran* тж. > рус. диал. *бодран* тж.;
[*вупрень*] ‘крапива’ ~ чув. *vəldʲaren*, диал. *vətren* тж.

Развитие (iii) считается специфическим для верхового диалекта [Сергеев 1992: 24]. Судя по аттестациям у Н. И. Ашмарина, оно практически повсеместно в зоне вирьял [СЧЯ X: 50; СЧЯ V: 385], но, например, Л. П. Сергеев указывает на его нехарактерность для чебоксарского говора [Сергеев 1992: 32]. А. С. Канюкова специально отмечает наличие подобных форм в сундырском говоре [Канюкова 1965: 92].

iv. Стяжение типа *-avʲ-* > *-a-*. Ср.:

[*адатъ*] ‘гремять’ ~ чув. *avʲd-at*, диал. *ad-at* pres. 3sg. тж.;
[*сярланъ*] ‘железница’ (по Далю, ‘рыба *Clupea alosa*, из рода сельдей, бешенка или верховодка’) ~ чув. *śarlan*, диал. *śavʲrlan* тж.

Стяженная форма *śarlan* не может быть диагностической для диалектной атрибуции памятника, поскольку стяжение *-avʲ-* в трёхсложных основах характерно как для верховых, так и для многих низовых говоров (ср. низ. и литер. *artan* ‘мельница’, производное от *avʲr-* ‘молоть’). Что касается двусложных основ, то этот переход характерен преимущественно для верховых говоров. В частности, А. С. Канюкова отмечает выпадение *-v-* в этом контексте в сундырском говоре [Там же]. Л. П. Сергеев фиксирует его в сундырском, моргаушко-ядринском и краснотайском, но не в чебоксарском, калининском и аликовском говорах чувашского языка [Сергеев 1992: 28].

v. Стяжение типа *-ivʲ-, -ǫvʲ-* > *(v)u-*. Ср.:

[*вусъ*] ‘воск’ наряду с [*увусъ*] тж. ~ чув. *ǫvʲs*, диал. *vus* тж.;
[*вусланъ*] ‘шерстень’ (т. е. ‘шершень’) ~ чув. *sǫvʲslan*, диал. *ǫvʲslan*, *(v)uslan* тж.;
[*сюхъ*] наряду с [*сiвухъ*] ‘близко’ ~ чув. *śivʲx*, диал. *śux* тж.;
[*косъ-шу*] ‘слеза’ (букв. ‘глазная вода’) ~ чув. *śiv*, диал. *śu* ‘вода’.

Эта черта также характерна для верхового диалекта. Аттестации у Н. И. Ашмарина указывают на северо-западные (малокарачкинский и сундырские), а также на моргаушский, ишлейский и чебоксарский говоры. Стяжения не происходит в краснотайском и, как правило, вурнарском говоре, хотя О. А. Мудрак отмечает для последнего формы *viza*, *vūza* ‘осина’ [Мудрак 1993: 29].

vi. Стяжение *-j(Ǻ)C-* > *-(j)Ć-*

Развитие такого типа характерно для ряда верховых говоров; Л. П. Сергеев и А. С. Канюкова считают его отличительной чертой сундырских, а также моргаушко-ядринского и краснотайского говоров [Канюкова 1965: 77; Сергеев 1992: 28]; по О. А. Мудраку, стяжение также бывает в вурнарском говоре [Мудрак 1993: 46]. По говорам и даже внутри одного говора стяжение может давать разные результаты в том, что касается слоговой структуры слова и сохранения йота. Частотным бывает стяжение йота с сонантами (в первую очередь, *-jr-* > *-r-*), в редких случаях под него подпадают и сочетания с шумными. Ср.:

[*солля-*] ‘выбирать’ ~ чув. *suja-*, верх. *solʲla-* тж.;
[*мыррѐ*] ‘орех’ ~ чув. *тʲjʲr*, верх. *miʲr* тж.;
[*мырjя*] ‘рог’, [*мырjяггä*] ‘ореховый сучок’ ~ чув. *тʲjʲraga*, верх. *miʲraga* ‘рог’ (контаминация с *miʲr* ‘орех’ в случае [*мырjяггä*]?);
[*орень*] ‘сыворотка, орень’ ~ чув. *ojran* ‘айран, пахтанье’, диал. *oʲen* > рус. диал. (Даль) *урень* ‘простокваша, разболтанная с водой’;
[*орля-*] ‘делить’ ~ чув. *oʲrla-*, верх. **orʲla-* тж.;
[*саирjя*], [*саирjя*] ‘редкий; редко’ наряду с [*саиранъ*] ‘изредка’ ~ чув. *sajra(n)*, верх. *saʲa(n)* тж.;
[*майрjя*] ‘русская женщина’ ~ чув. *tajra*, верх. *taʲa* тж.;
[*пиде*] ‘вошь’ ~ чув. *piʲdʲ*, диал. *piʲdʲ* тж.

Наиболее близкие к приведенным формы у Н. И. Ашмарина в подавляющем большинстве случаев атрибутируются как северо-западные (малокарачкинские и сундырские) или курмышско-краснотайские.

Ср., с другой стороны, форму [ыиръ] ‘жеребец’ ~ чув. *ы̄ьр*, верх. (курм., сунд.) *и́ръ* тж.; стяжения в говоре памятника не происходит. Интересно указание О. А. Мудрака [Мудрак 1993: 31] на то, что в вурнарском говоре, где в общем встречается стяжение сочетания с йотом, именно это слово выглядит как *ы̄ьр*, *ӣьр* (без стяжения).

vii. Развитие сочетания носового с аффрикатой (*-пч-). Ср.:

[хонз̄я] наряду с [хус̄янь] ‘когда’ ~ чув. *х̄ь̄зан*, диал. *х̄ь̄н̄за* тж.;

[миз̄е] ‘сколько’ ~ чув. *мӣзе*, диал. *мӣн̄зе* тж.

Старое сочетание носового и аффрикаты сохраняется как архаизм в северо-западных говорах, но аттестации у Н. И. Ашмарина также указывают на ядринский говор верхового диалекта и «средненизовой» аликский говор. На большей части чувашского ареала, как и в литературном языке, произошло упрощение сочетания в -з-. Показания «Начертания...» в связи с этим противоречивы. В первом примере отражено сочетание типа -пч- (в [СЧЯ] подобные формы цитируются только по какому-то неустановленному и неатрибутированному памятнику); сохранение носового сближает эту форму с формами северо-западного ареала. Во втором же примере форма «Начертания...» отражает стандартное чувашское развитие с утерей сонанта.

3.9. Уникальные развития как маркеры диалектов

Некоторые чувашские слова имеют отмеченные в диалектах — и в «Начертании...» — особые варианты, поэтому они удобны для использования в качестве маркеров при диалектной атрибуции. Речь идёт об остаточном сохранении архаичных форм, о контаминации, об избавлении от редких/уникальных фонетических сочетаний и о других подобных нерегулярных процессах. Ниже для таких примеров из «Начертания...» дается в скобках диалектная атрибуция наиболее близких к ним форм у Н. И. Ашмарина [СЧЯ], ср.:

[йукля] ‘шалаш’ ~ чув. *й̄пле*, диал. *й̄кле* тж. (ядр., мкар., сунд.);

[кычкыр-] ‘кричать’ ~ чув. *к̄ь̄к̄ьр*, диал. *к̄ь̄к̄ьр-*, *к̄ь̄к̄ьр-* тж. (сунд.);

[марггымышь] ‘мышьяк’ ~ чув. *марг̄ьт̄ьш̄*, диал. *марг̄ьт̄ьш̄* тж. (шум., ишл., ядр.);

[нюмя] ‘помочь’ (т. е. ‘помочи, толока’ — коллективная помощь односельчан в работах) ~ чув. *нӣте*, диал. *нӣте* (ишл., алик.);

[ошше] наряду с [осси] ‘замок’ ~ чув. *о̄ш̄си*, диал. *о̄ш̄э* (< **о̄з̄ь̄э*) 3sg. ‘ключ’, диал. ‘замок’ (алик.);

[пайгань] ‘лишь сего дня’ наряду с [паянь] ‘сегодня’ ~ чув. *п̄аян*, диал. *п̄аяган* тж. (тет.);

[сюрлчань] ‘насекомые’, [сюрлезень] ‘глиста’ ~ чув. *š̄əv̄ərl̄ž̄en* ‘глиста’, диал. ‘земляной червь’ (сунд., тет., бел.);

[тирсликь] ‘навоз’ ~ чув. *тӣр̄с*, *тӣсл̄к*, диал. *тӣр̄сл̄к* тж. (у Ашмарина ссылка только на неатрибутированные письменные источники);

[хува] ‘он сам’ ~ чув. *х̄ь̄ва*, диал. *х̄ь̄ва* тж. (морг., алик.);

[чирь-посси] ‘колено’ ~ чув. *ч̄эр-го̄ш̄си*, диал. *ч̄эр-бо̄ш̄си* тж. (отсутствует в [СЧЯ]);

[шта] ‘где’ ~ чув. (*ь̄*)*шта*, диал. *шта* тж. (алик, ядр.);

[ылдымь] ‘золото’ ~ чув. *ил̄т̄ьн*, верх. *ил̄д̄ьт* тж. (кчет., мкар., сунд., ишл.).

Ср. также случай [танаж-] ‘равняться’ ~ чув. *тан̄лаш̄-*, диал. *тана̄ш̄-* тж., где форма «Начертания...» оформлена иным деривационным аффиксом по сравнению с литературным вариантом (так же — сунд., кчет.).

3.10. Фрагменты словоизменительной морфологии

Словоизменительная морфология «Начертания...» в целом довольно близка к общечувашской, но некоторые её особенности всё же дают указания относительно диалектной атрибуции памятника. Отметим здесь наиболее важные из диалектно ограниченных морфологических показателей.

(i) Показатель вокатива на -aj (например, [абай] *abaj* ‘мать моя’). По Л. П. Левитской [Левитская 1976: 16—17], этот аффикс характерен для краснотайского говора верхового диалекта (что, однако, не исключает его присутствие и в других верховых говорах). В части говоров вирьял -aj > -i; также вокатив в чувашских диалектах может выражаться при помощи аффиксов -ok, -uk (вирьял) и -ev (анатри).

(ii) Остаточное сохранение показателя датива-аккузатива -jA после основ на гласный в слове [лея] ‘туда’ ~ чув. диал. *ле-je*. В литературном языке местоимение с этим значением имеет вид *le-re* с показателем локатива; этот же вариант частотен в виде [ляря] в «Начертании...». По Л. П. Ле-

витской, вариант дательного-винительного падежа на *-jA* встречается в моргаушском, ишлейском и краснотетайском говорах [Там же: 18]. В грамматическом очерке чувашского языка, вошедшем в состав «Начертания...», в качестве показателя датива-аккузатива приводится общечувашский *-nA* (например, [*сирлана*] ‘ягода’ ~ чув. *širla-na* dat./acc. тж. [Вишневский 1836: 9].

- (iii) Специфически верховая причастная форма на *-ttibe*, курм. *-ttiba*. Курмышский (и краснотетайский?) вариант отражается в форме из «Начертания...» [*кась-полты-ба*] ~ чув. диал. *kaś polttiba* ‘с наступлением вечера’.

3.11. Диалектные особенности в терминологии родства

Большой интерес представляют зафиксированные в «Начертании...» термины родства, поскольку наполнение этой семантической группы сильно различается в зависимости от конкретного чувашского говора. На тот или иной говор могут указывать сами лексемы, их специфические значения или же специфическое морфологическое оформление. Ниже приводятся фиксации основных терминов родства из памятника вместе с их возможной атрибуцией по данным Н. И. Ашмарина [СЧЯ].

- [*коки*] voc., [*кóкышь*] 3sg. ‘дядя по матери’ ~ чув. *kokka* тж. (общечувашская лексема, но специфична форма *kokki* — кчет., сунд., морг., цив.);
- [*мочей*] voc., [*мочу*] 2sg., [*мóчышь*] ‘большой дядя по отцу’ ~ чув. диал. *тожеј* voc. ‘старший брат отца или муж старшей сестры матери’ (скорее верховая лексема; форма *тожеј* атрибутирована у Ашмарина, в частности, как чеб. и цив.);
- [*ничей*] voc., [*ничу*] 2sg., [*ничешь*] ‘большой брат (дядя)’ ~ чув. *ри́ще* ‘старший брат, дядя’ (общечувашская лексема, но форма *ри́жеј* voc. преимущественно верховая, в частности, чеб.);
- [*аггай*] voc., [*аггу*] 2sg. ‘большая сестра’, [*а́ггышь*] 3sg. ‘тётка’ ~ чув. *akka* ‘старшая сестра, тётя’ (общечувашская лексема, форма *agaj* voc. широко распространена; в частности, локализуется как курм., чеб., шум., алик. и во многих пунктах низовой диалектной зоны);
- [*шильмы*] 1sg., [*шилну*] 2sg. ‘меньший брат’ ~ чув. *šьll-* тж. (общечувашская лексема, при этом форма *šьlnu* 2sg. не принадлежит стандартному языку, но её диалектная атрибуция по данным Ашмарина не представляется возможной);
- [*ьимыкь*] ‘сестра меньшая’ ~ чув. *ььтк* тж. (общечувашское слово);
- [*абай*] 1sg., [*абу*] 2sg., [*а́мыжъ*], [*а́мышъ*] 3sg. ‘мать’ (супплетивные основы) ~ чув. диал. *abaj* тж. (литер. ‘старшая сестра, тётя’), *атъžэ* 3sg. (специфично верховой является форма *abaj* в значении ‘мать’: курм., вурн.);
- [*адй*] voc., [*азò*] 2sg., [*а́шше*] ‘отец’ (супплетивные основы) ~ чув. *atte* 1sg., *ažu* 2sg., *aššэ* 3sg. (специфически верховой является форма *adi(j)*: курм., кчет., шум. и др.).

3.12. Уникальная и редкая лексика «Начертания...»

В рассматриваемом памятнике присутствует слой лексики, которая не фиксируется в позднейших источниках по чувашскому языку. В лучшем случае такие лексемы приведены в словаре Н. И. Ашмарина [СЧЯ] со ссылкой исключительно на «Начертание...». Речь в данном случае идёт как об уникальных основах, так и об иначе не зафиксированных производных от засвидетельствованных основ. Ср., в частности, следующие чувашские основы, являющиеся *hарах legomena* «Начертания...»:

- [*вочней*] ‘ласточка — зверок’ (т. е. ‘ласка’, ср. у Даля *ластка* — «ошибочн[о] вм[есто] ласка, зверек») Для слова восстанавливается фонетический прототип типа **voč(ə)nej*. По фонетике оно не похоже на исконно чувашское; с учётом семантики выглядит правдоподобным предположение о субстратном заимствовании, однако явного источника в соседних финно-угорских языках не обнаруживается. Ср., однако, эрз. *čineј*, диал. *činiiv* при мокш. *šini* ‘пахнущий, вонючий’, которое частотно в обозначениях родственников ласки по семейству кунных: *čineј хор’* ‘хорёк’ (букв. ‘вонючий хор’), *činiiv pa-ča* ‘куница’ (букв. ‘вонючая выдра’) [Raasonen 1990—1996]. Так как ласка тоже имеет железы с неприятно пахнущей жидкостью, в принципе можно усматривать в слове из «Начертания...» очень редкий мордвинизм в чувашском. Поскольку восстанавливаемое *čineј* не имеет после себя существительного, то оно может выступать здесь не как прилагательное ‘вонючий’, а как имя (‘вонючка’); ср. прямую аналогию для такой полисемии в чув. *pžara* ‘1. тот, кто постоянно испускает ветры из живота 2. хорёк’ (семантическое развитие от 1 к 2, поскольку это производное от *pžar-* ‘пускать ветры’) [СЧЯ X: 149]. Тем не менее, внутренняя форма чувашского слова остается очень сомнительной, поскольку элемент *vo-* не этимологизируется.

- [пжй] ‘линь — рыба’
Фонетический прототип восстанавливается в виде *pǝǝi* (~ *pǝǝi*), что омонимично чувашскому обозначению лося. Можно было бы предполагать ошибку в результате неправильной интерпретации рукописного первоисточника формы (*дось* > *динь*?), но с этим не согласуется эксплицитное авторское (?) «рыба». В таком случае перед нами интересное обозначение линя без видимых параллелей в соседних языках. Изолированная среди тюркских чувашская форма может восходить к праалтайскому состоянию, ср. восстанавливаемое на её основе ПТю **busi-* (~ **bisi-*) и, в особенности, ПТунг **puse-* ‘форель; чёрный амур’, с которым в [EDAL 2003: 1113] сопоставляются ПМонг **basiŋga* ‘плотва, вобла’ и ПЯп **pansai* ‘бычок’. С точки зрения семантики интересно, что во всех западноалтайских ветвях слово используется по отношению к рыбам семейства карповых, а чёрный амур и линь, кроме того, имеют один и тот же характерный признак — тёмная, иногда почти чёрная окраска тела.
- [ильбёнъ] ‘белена’
Фонетический прототип — *ilben* ~ *alben* ‘белена’. Н. И. Ашмарин, комментируя форму из «Начертания...», несправедливо помечает её как «очень сомнительную» [СЧЯ III: 111]. Ср. очевидную параллель в виде хак. *irben* ‘богородская трава’, которое, в свою очередь, явно связано с халх. *irveg* тж. (заимствование из монгольской формы типа **irbeg-en* в хакасском и чувашском?). Иначе в [EDAL 2003: 521] и [СИГТЯ 2006: 163], где хакасское слово этимологически связывается через монг. **erte* ‘полынь’ (как заимствование) либо напрямую с чув. *arǝm* тж.

Следующие редкие слова из «Начертания...» являются производными от хорошо засвидетельствованных чувашских основ.

- [потлэнчикъ] ‘задохлец; заячий зародыш’
Фонетический прототип — *potlanǝǝk*; производное от известного глагола *potlan-* ‘портиться; задыхаться (в т. ч. о цыпленке в яйце)’.
- [пыгызыъ] ‘царство’
Вероятно, ошибочное написание вместо [пыгызыъ] — в такой форме это забытое теперь слово встречается как основное обозначение царства (именно Царства Небесного) в «Дне святой жизни...» [Постников 1857]. По-видимому, данную запись следует трактовать как *pǝǝǝs* ‘государство’ — образование на *-ǝs* (ср. *rogǝn-* ‘жить’ > *rogǝnǝs* ‘жизнь’) от глагола *pǝǝ-* ‘смотреть’, употребляющегося также в значениях ‘смотреть за кем-либо, присматривать, надзирать, управлять’ [СЧЯ X: 170—175].
- [вэръ-посъ] ‘долина’
Сложение *var-pos* (~ *var-pozǝ*), первая часть которого восходит к *var* ‘овраг, балка, ложбина’, а вторая — к *pozǝ* (диал.) ‘поле’.
- [божиг-] ‘вянуть’
Глагол *roǝǝǝ-* — производное от *roǝǝ* ‘пустой’ при помощи непродуктивного деривационного аффикса *-ǝǝ-*, ср. *roǝǝn-* ‘опустеть; ослабнуть’.
- [коньлан-] ‘унижаться’
Чув. верх. **koǝlan-* (в низ. диалекте и литер. языке ожидалось бы *kunlen-* с дальнейшим переходом в *kullen-* аналогично наречию *kullen* ‘ежедневно’ < *kun-le-n*). Глагол произведен по продуктивной модели от верх. *koǝn*, низ. *kunǝ* ‘смирный, податливый’.

4. К диалектной локализации говора-источника «Начертания...»

Как показано в разделе 3, диалектно окрашенные формы в материалах «Начертания...» достаточно многочисленны. Тем не менее по разным причинам диалектная атрибуция памятника является нетривиальной задачей. Часть проблем имеют общий для подобного рода исследований характер. Это, во-первых, несовершенство существующих диалектологических описаний, которые часто ориентированы на освещение поверхностных отличий говоров от литературного языка вместо того, чтобы давать исчерпывающее описание языковой системы, т. е. «негативную» информацию (об отсутствии тех или иных дистриктивных черт) наряду с «позитивной». Во-вторых, нужно иметь в виду очень вероятную перестройку диалектной карты чувашского языка за почти два века, прошедшие со времени создания памятника, что делает сопоставление старочувашских данных «Начертания...» с известными по современным описаниям изоглоссами в определённой степени условным.

Помимо этого, сам материал «Начертания...» оказывается достаточно сложным для интерпретации. Конфликтующие изоглоссы находят отражение в параллельных формах: ср., например, фиксацию в памятнике слов с северо-западным переходом *-ivb-*, *-ivb-* > *-u-* и без него (*vus* наряду с *ivb's* 'воск', *siu* наряду с *siu'x* 'близко'), альтернативных вариантов развития основ с исходом типа *-CĀL* (см. пункты i и ii раздела 3.8) и др. В то время как в общем язык памятника может быть охарактеризован как принадлежащий к верховому диалектному типу, заметное большинство проанализированных форм языка «Начертания...» специфично для северо-запада чувашского ареала; это собственно северо-западные (малокарачкинский и смежные сундырские) говоры, а также соседствующие с ними говоры моргаушко-ядринского и курмышско-красночетайского типа. Более подробная локализация говора-источника опять же проблематична (ср., для контраста, вполне надёжное обоснование курмышско-красночетайской принадлежности верхового материала Словаря Палласа в [Савельев 2015]). Многие черты в языке «Начертания...» являются общими для всего указанного ареала; эксклюзивные же особенности оттеняют то один, то другой из известных по синхронной диалектологии говоров. Судя по количеству сходжений с атрибутированными формами у Н. И. Ашмарина, можно сделать предварительный вывод о том, что указанные формы «Начертания...» наиболее близки к данным собственно северо-западных и курмышско-красночетайских говоров. С другой стороны, есть основания полагать, что помимо говора, принадлежавшего к северо-западному ареалу, в памятнике имеется ещё один диалектный слой. С ним имеет смысл ассоциировать встречающиеся в тексте формы «общечувашского» типа, а также лексемы и изоглоссы, которые по иным источникам атрибутируются не как северо-западные, а скорее принадлежащие к ареалу «средненизовых» говоров чувашского языка.

Есть два возможных объяснения указанной противоречивости языкового материала «Начертания...». Согласно первому, в составлении памятника участвовали носители различных диалектных вариантов чувашского языка, помимо основного автора В. П. Вишневого. Второе же объяснение предполагает, что источником памятника был один конкретный говор, но в этом говоре отразились данные нескольких типов, например, из-за продолжающегося диалектного сдвига. Для выбора наиболее правдоподобного объяснения должны привлекаться как экстралингвистические сведения, так и собственно лингвистический анализ.

Во время создания учебника Вишневский жил в Казани и работал в том числе на руководящих должностях; можно представить, что он привлекал для сбора материалов проживающих в городе земляков из Чувашии, являвшихся носителями отличных от его собственного говоров. Однако у нас нет надёжных свидетельств (например, архивных документов) в пользу работы Вишневого с соавторами. Значимых пересечений материалов «Начертания...» с данными более ранних чувашских памятников, которые могли бы послужить источником его разнодиалектности, также пока не обнаружено. Косвенно в пользу того, что Вишневский был единственным автором «Начертания...», также свидетельствует относительное единообразие орфографии памятника.

С собственно лингвистической точки зрения предположение о коллективном авторстве «Начертания...» также представляется маловероятным. Это следует из анализа дублетных форм, т. е. параллельных отражений одной и той же языковой формы, в материале учебника. Во-первых, после вычета тех из них, которые объясняются, например, ошибками и отдельными случаями разнобоя в орфографии, оказывается, что число дублетов, отражающих именно параллельные развития языковых систем (прежде всего, на фонетическом уровне), на общем фоне очень мало. Это как будто свидетельствует против множественности источников, использованных при составлении «Начертания...», — ср., например, большое число дублетов в надёжно разнодиалектной чувашской части Словаря Палласа [Савельев 2013a]). Во-вторых, отмеченные в памятнике конфликтующие изоглоссы при сопоставлении с более поздней диалектной картой могут быть локализованы на географически непрерывной и очень компактной территории в северо-западной четверти Чувашии. Более того, во многих случаях они обнаруживаются в вурнарском говоре, отражение которого в памятнике было бы ожидаемо исходя из данных о происхождении Вишневого, и в непосредственной близости от него (ср., например, атрибуции у Н. И. Ашмарина для вариантов названия «ключа» или «замка́», *oššə* [óшше] и *ošši* [ocçì] — соответственно, архаичная (< *ošb-žə*) и инновационная формы принадлежности от *ošb*).

С учётом сказанного наиболее правдоподобным представляется следующее объяснение. В. П. Вишневский был, по-видимому, единственным составителем «Начертания...»; при этом в памятнике запечатлён процесс диалектного сдвига в родных местах В. П. Вишневого на территории современного Вурнарского района. Этот процесс предполагает замещение говора северо-западного типа (близкого к сундырским и курмышско-красночетайским) говором, приближенным к среднечувашскому образцу («средненизовым», как описывается современный вурнарский говор). В пропорции черты первого говора всё ещё преобладают, но с северо-западными по происхождению изоглоссами уже сосуществуют черты, пришедшие с востока Чувашии. Позднее «средненизовые» черты в вурнарском говоре одержат верх, хо-

тя в нём и сохранятся достаточно некоторые особенности чувашских говоров северо-западного типа (этот сценарий, как представляется, хорошо согласуется с современными описаниями вурнарского говора).

До известной степени такое заключение по поводу диалектной атрибуции «Начертания...» не окончательно: для получения более ясной картины нужны как новые разработки в области синхронной чувашской диалектологии, так и описания других старочувашских памятников.

Сокращения

Общие

1 — первое лицо	iter. — итератив (учащательная форма)
2 — второе лицо	inf. — инфинитив
3 — третье лицо	nom. — номинализатор
car. — каритив (лишительный падеж)	pres. — настоящее время
caus. — каузатив (понудительная форма)	sg. — единственное число
dat./acc. — датив-аккузатив (дательно-винительный падеж)	voc. — звательный падеж
imp. — императив	диал. — диалектная форма
	литер. — литературная форма

Языки и диалекты

азер. — азербайджанский язык	ПТунг — пратунгусский язык
алик. — аликовский говор чувашского языка	ПТю — пратюркский язык
араб. — арабский язык	ПЯп — праяпонский язык
бел. — белебеевский говор чувашского языка (Башкортостан)	рус. — русский язык
верх. — верховой диалект чувашского языка	сунд. — сундырский говор чувашского языка
вурн. — вурнарский говор чувашского языка	тат. — татарский язык
ишл. — ишлейский говор чувашского языка	тет. — тетюшский говор чувашского языка (Татарстан)
курм. — курмышский говор чувашского языка	тур. — турецкий язык
кчет. — красночетайский говор чувашского языка	хак. — хакасский язык
мкар. — малокарачкинский говор (диалект) чувашского языка	халх. — халха-монгольский язык
мокш. — мокшанский язык	цив. — цивильский говор чувашского языка
морг. — моргаушский говор чувашского языка	чеб. — чебоксарский говор чувашского языка
низ. — низовой диалект чувашского языка	чув. — чувашский язык
перс. — персидский язык	шум. — шумерлинский говор чувашского языка
ПМонг — прамонгольский язык	эрз. — эрзянский язык
	ядр. — ядринский говор чувашского языка

Литература

Вишневыи 1836 — *Вишневыи В. П.* Начертание правил чувашского языка и Словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии. Казань, 1836. {*Vishnevsky V. P.* An inscription of the Chuvash language rules and a Dictionary, compiled for religious schools of the Kazan diocese. Kazan, 1836.}

Дамаскин 1785 — *Епископ Дамаскин.* Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы, черемис. Отдел рукописей РНБ, собрание Эрмитажа. № 223. {*Bishop Damaskin.* Dictionary of different languages of peoples living in Nizny Novgorod diocese, i. e. Russians, Tatars, Chuvashes, Mordovians, Cheremis. The National Library of Russia, Manuscripts Department, Hermitage collection. № 223.}

Дыбо 2010 — *Дыбо А. В.* Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, Bd 32/33. Hamburg, 2010. S. 83—132. {*Dybo A. V.* Vocalism of early Turkic borrowings in Hungarian // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, Bd 32 / 33. Hamburg, 2010. P. 83—132.}

Еванггель 1820 — Святой Еванггель Матөей рань, Маркь рань, Лукà рань, Иоаннъ рань да чувашь чильгè синè сывырзà хоны. Казань, 1820.

Канюкова 1965 — *Канюкова А. С.* Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965. {*Kanyukova A. S.* Chuvash dialectology. Cheboksary, 1965.}

Комиссаров 1946 — *Комиссаров Г. И.* Письменность на чувашском языке в XVIII веке. Рукопись. Цит. по: Комиссаров Г. И. Письменность на чувашском языке в XVIII веке // Проблемы письменности и культуры. Сб. ст. ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 85—104. {*Komissarov G. I.* Chuvash writing in the 18th century. Manuscript. Cit. ex: Ко-

missarov G. I. Chuvash writing in the 18th century // Problems of writing and culture. Collection of ChRI articles. Cheboksary, 1992. P. 85—104.}

Левитская 1976 — *Левитская Л. С.* Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. {*Levitskaya L. S.* Historical morphology of Chuvash. М., 1976.}

Миллер 1791 — *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. {*Miller G. F.* Description of pagan peoples living in the Kazan province, id est Cheremis, Chuvash and Votyak. SPb, 1791.}

Мудрак 1989 — *Мудрак О. А.* Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском языке // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. 1989. Ч. 1. С. 216—222. {*Mudrak O. A.* Specific fragmentations of consonant reflexes in Chuvash // Linguistic reconstruction and the earliest Oriental history. 1989. Part 1. P. 216—222.}

Мудрак 1993 — *Мудрак О. А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993. {*Mudrak O. A.* Historical correspondences of Chuvash and Turkic vowels: An attempt of reconstruction and interpretation. М., 1993.}

Мудрак 2011 — *Мудрак О. А.* Некоторые заметки по орфографии и фонетике памятника «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» // Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Чебоксары, 2011. С. I—XIV. {*Mudrak O. A.* Some notes on orthography and phonetics of the “Works concerning the Chuvash language grammar” // Works concerning the Chuvash language grammar. Cheboksary, 2011. P. I—XIV.}

Никольский 2007 — *Никольский Н. В.* Конспект по истории христианского просвещения чуваш // Собрание сочинений. Т. II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары, 2007. С. 100—125. {*Nikolskiy N. V.* A summary of the history of Christian education of the Chuvash people // Collected works. Vol. II. Works on the history of Christianization and Christian education of the Chuvash people. Cheboksary, 2007. P. 100—125.}

Паллас 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Ч. 1. СПб., 1787. {*Pallas P. S.* Comparative dictionaries of every language and dialect, compiled by the right hand of the Highest Person. Part I. SPb., 1787.}

Паллас 1789 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Ч. 2. СПб., 1789. {*Pallas P. S.* Comparative dictionaries of every language and dialect, compiled by the right hand of the Highest Person. Part II. SPb., 1789.}

Петров 2004 — *Петров Н. П.* Магистр богословия Виктор Вишневецкий и его роль в истории старочувашской письменности и литературного языка. Чебоксары, 2004. {*Petrov N. P.* Victor Vishnevsky, Master of Theology, and his role in the history of the pre-standard Chuvash writing and literary language. Cheboksary, 2004.}

Постников 1857 — *Постников Г. П.* Конь святой борнызинь, али Хоравь идю синё: еплё мань святой борнась? Казань, 1857.

Родионов 2004 — *Родионов В. Г.* Виктор Вишневецкий и этапы становления чувашской письменной культуры. Чебоксары, 2004. {*Rodionov V. G.* Victor Vishnevsky and stages of development of the Chuvash written culture. Cheboksary, 2004.}

Рожанский 1800 — *Рожанский Е. И.* Краткий катехизис, переведенный на чувашский язык с наблюдением русского и чувашского просторечия, ради удобнейшего оногo познания восприявших Святое крещение. СПб., 1800. {*Rozhanskiy E. I.* Concise catechism, translated into Chuvash with observation of Russian and Chuvash vernacular, for convenience of learning by those who received the Holy baptism. SPb., 1800.}

Савельев 2013а — *Савельев А. В.* Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урало-алтайские исследования. 2013, 1(8). С. 34—54. {*Savelyev A. V.* Reflection of the Chuvash dialects' vocalism in the “Comparative dictionary” by P. S. Pallas // Ural-Altai studies. 2013, 1 (8). P. 34—54.}

Савельев 2013б — *Савельев А. В.* Фонетические особенности низового диалекта чувашского языка (по данным говоров Нурлатского района Татарстана) // Материалы XIII международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа, 2013. С. 105—111. {*Savelyev A. V.* Phonetic features of the Lower dialect of the Chuvash language (based on patois of the Nurlat district in Tatarstan) // Proceedings of the 13th international conference “Current problems of dialectology of the peoples of Russia”. Ufa, 2013. P. 105—111.}

Савельев 2014 — *Савельев А. В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа). М., 2014. {*Savelyev A. V.* Reflection of the dialect features in early written monuments of the 18th century Chuvash language (based on the Pallas Dictionary). М., 2014.}

Савельев 2015 — *Савельев А. В.* Диалектная основа чувашских материалов в Словаре Палласа // Материалы XV всероссийской конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа, 2015. С. 229—233. {*Savelyev A. V.* Dialectal base for the Chuvash material in the Pallas Dictionary // Current problems of dialectology of the peoples of Russia. Proceedings of the 15th national scientific conference. Ufa, 2015. P. 229—233.}

Савельев 2016 — *Савельев А. В.* Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века. Урало-алтайские исследования. 2016, 1(20). С. 68—104. {*Savelyev A. V.* The Chuvash translation of one sermon of the mid-19th century. Ural-Altai Studies. 2016, Vol. 1, 20. P. 68—104.}

Сергеев 1992 — *Сергеев Л. П.* Чăваш диалектологийĕ: Вĕренÿ пособийĕ. Шупашкар, 1992.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: The Proto-Turkic language ancestor language. The Proto-Turkic ethnos' worldview based on language data / Ed. *Tenishev E. R., Dybo A. V.* M., 2006.}

Сочинения 1769 — Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Казань, 1769. {Works concerning the Chuvash language grammar. Kazan, 1769.}

СЧЯ — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т. I—XVII. Казань, Чебоксары 1928—1950. {*Ashmarin N. I.* Dictionary of the Chuvash language. Vol. I—XVII. Kazan — Cheboksary, 1928—1950.}

Успенский 1994 — *Успенский Б. А.* Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова (Историко-филологический этюд) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. Язык и культура. С. 207—241. {*Uspenskiy B. A.* Phonetic structure of one of Lomonosov's poems (A historical-philological essay) // *Uspenskiy B. A.* Selected works. Vol. II. Language and culture. P. 207—241.}

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964—1973. {*Vasmer M.* Etymological dictionary of the Russian language. Vol. I—IV. M., 1964—1973.}

ЭСЧЯ — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. I—II. Чебоксары, 1996. {*Fedotov M. R.* Etymological dictionary of the Chuvash language. Vol. I—II. Cheboksary, 1996.}

EDAL 2003 — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Vol. 1—3. Leiden, 2003.

Müller 1759 — *Müller G. F.* Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotjaken // Sammlung Russischer Geschichte. Band III, Stück IV. St. Petersburg, 1759.

Paasonen 1990—1996 — *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch. I—IV. Helsinki, 1990—1996.

Schott 1841 — *Schott W.* De lingua Tschuwaschorum dissertatio, scripsit Guilelmus Schott, Professor Berolinensis, Regiae scientiarum Academia socius. Berolini, 1841.

РЕЗЮМЕ

В статье разбирается орфография и языковой материал «Начертания...» В. П. Вишневого (1836), одного из наиболее известных старочувашских памятников первой половины XIX века. Показано, что этот памятник утвердил и популяризовал целый ряд специфических приёмов орфографии, которые примерно до 1860-х годов использовались чувашскими книжниками. Язык «Начертания...» не идентичен языку какого-либо из обследованных ранее старочувашских памятников: частотные формы, относящиеся с северо-западной зоной верхового диалекта, конфликтуют с менее многочисленными формами, приближенными к среднечувашским образцам. Возможно, такое сосуществование свидетельствует о диалектном сдвиге как части истории т. н. «средненизовых» говоров чувашского языка.

SUMMARY

The article deals with the orthography and linguistic evidence provided by Viktor Vishnevsky's "Načertanije..." ("Inscription"), one of the most famous Chuvash books from the first half of the 19th century. This text is shown to have induced a large number of spelling techniques that were used in Chuvash literacy until as late as the 1860s. Linguistically, "Načertanije..." is not identical to any of other previously studied texts in pre-standard Chuvash; frequent forms with parallels in the northwestern extremity of the Viryal dialect area coexist with a smaller number of forms that can be associated with the central part of the Chuvash-speaking area. This provides evidence of a dialect shift occurring somewhere in the linguistic history of the so-called Anat Yenči varieties of Chuvash.

Ключевые слова: старочувашский язык, чувашская диалектология, Виктор Вишневецкий, история чувашского языка, чувашский язык

Keywords: pre-standard Chuvash, Chuvash dialectology, Viktor Vishnevsky, the history of Chuvash, Chuvash

Савельев Александр Владиславович, Институт языкознания РАН (Москва), Институт изучения истории человечества Общества Макса Планка (Йена); santor.jus@gmail.com

Alexander V. Savelyev, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Max Planck Institute for the Science of Human History (Jena); santor.jus@gmail.com